

Б. М. МИХЛИН

**Я ОДИН –
ВЫБИРАЮ ПУТЬ**

Биографическая повесть

18+

Борис Михайлович Михлин

Я один – выбираю путь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74442511

Я один – выбираю путь / Б. М. Михлин: Де'Либри; Москва; 2026

ISBN 978-5-4491-3184-3

Аннотация

«...Мы двигались по улице, а по сторонам стояли люди, знакомые и не знакомые, и уже было ясно, что ведут расстреливать».

В автобиографической повести Борис Михайлович Михлин рассказывает о своей жизни, о тех трагических днях Второй Мировой войны, которые ему выпало пережить, о развитии отечественной авиации, о своём становлении как специалиста, а также о тех памятных событиях, в которых принимал участие.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Введение	8
Часть 1	10
Наша семья	12
О доме родном	24
Школьные годы	28
Маёвка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Борис Михлин

Я один – выбираю путь

*«В жизни разные пути, главное – выбрать
верный и не свернуть.»*

*В издании использованы фотографии из семейного архива
автора*

D E L I B R I

© Б. М. Михлин, текст, 2021

Предисловие

Не всё удалось рассказать о моём жизненном пути, но основные вехи расставлены: моё детство, жизнь и быт, война, оккупация, уничтожение евреев и как мне удалось спастись, и моя дальнейшая судьба.

Всё это не только обо мне, но и о моём поколении, моих сверстниках. Некоторые из них не выдержали длительных трудностей, сломались, ушли «на дно», а многие достигли своей цели, стали заметными и уважаемыми в обществе людьми.

Мне тоже удалось чего-то добиться при существовавшем «равенстве», и я хотел бы, чтобы мой опыт вызывал оптимизм и уверенность у потомков.

Введение

Город древний, город с красивым названием – Мстиславль

Белоруссия. На самой границе со Смоленской областью находится небольшой городок с красивым названием – Мстиславль. Как свидетельствуют летописи, город основал смоленский князь Ростислав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, в 1135 году, и назвал его в честь своего отца Мстислава Великого. В 1180 году город стал столицей удельного княжества. Там до сих пор ведутся археологические раскопки, и по своей исторической значимости Мстиславль находится на шестом месте после Новгорода, Старой Руссы, Смоленска, Пскова и Витебска.

До сего времени сохранились такие названия, как Замковая гора, Девичья гора, Троицкая гора и другие.

В городе много старинных построек: церковь, костёл, соборный комплекс с каменной стеной, здания бывших учебных заведений. Костёл особенно выделялся своей мозаикой и позолотой, но он был разорён ещё до войны.

Расположен Мстиславль на шести холмах, в тихом живописном месте, защищён глубокими рвами. Начиналось строительство города на Замковой горе, и строился он как город-крепость. У подножия горы протекает река Вихра, оги-

бая город. За рекой виден большой сосновый лес, который тянется до самой Брянщины. По берегам – заливные луга, где пасутся стада коров и табуны лошадей знаменитого конезавода, на территории бывшего поместья под названием «Лютня».

Именно под Мстиславлем шведы впервые потерпели поражение от русской армии. Сюда приезжали Пётр I и Екатерина II. После освобождения от фашистов в городе располагался штаб 2-го Белорусского фронта. В Мстиславле разрабатывался план по освобождению Белоруссии. Здесь бывали видные военачальники: Г. К. Жуков, В. Д. Яковлев и другие.

Часть 1

Довоенное время

Жили в Мстиславле до войны в основном белорусы, евреи и поляки. Встречались даже китайцы, продававшие самодельные игрушки. Часть населения работала на заводах: кирпичном, льнообрабатывающем, винном и других. Остальные занимались торговлей или были ремесленниками: столярами, плотниками, сапожниками, гончарами, кузнецами, шорниками.

По воскресеньям со всей округи крестьяне съезжались на базар. Было очень шумно: визжали поросята, кричали гуси и куры, цыгане торговали лошадей, кузнецы меняли подковы. За этим было интересно наблюдать, особенно нам – мальчишкам.

Свой город я знал хорошо, мною здесь всё было исхожено, избегано, излазано. Почти все друг друга знали. Ближайшая железная дорога была в двадцати километрах. Если появлялся легковой автомобиль, то все выглядывали, а мы, дети, бежали вслед и удивлялись, как он бесшумно едет.

Мстиславль был настоящим провинциальным городом, но имел и до сих пор имеет районное значение.

Таков был мой Мстиславль, моя малая Родина, где прошло моё босоное детство, где покоятся мои близкие и

дальние предки.

Наша семья

Итак, родился я в городе Мстиславле, 30 октября 1928 года, в еврейской семье. Как-то всей семьёй мы сидели за большим дубовым столом. На столе стоял самовар. Это был лёгкий ужин, скорее – чаепитие. Не знаю, с чего бы, но отец стал перечислять, кто когда в семье родился. Нас, детей, было четверо: старшая сестра Маня, 1923 года рождения, младшая – Фаня, 1925 года, я и младший брат Изик, 1930 года рождения.

У нас был хороший, большой дом на большую семью. Была у нас корова: лысая и бодучая, но давала много молока, и молоко было хорошее. Это нам помогло выжить в голодное время.

Отцу приходилось много работать и подрабатывать вечерами. Сёстры ходили в школу, поэтому всё необходимое в первую очередь покупалось им, а мы с братом больше сидели дома. Да и налоги были непосильные: на дом, на корову и прочее. Чтобы уменьшили налоги, помню, отец собрал нас всех – кто, в чём был – и повёл в горсовет. Мамы уже не было – умерла. Пришли мы в таком оборванном виде, что там глянули – и сделали небольшую скидку.

Нелегко приходилось отцу, когда болела мама. Как отец говорил, она не выдержала тяжёлых условий: строили дом,

дети маленькие, время голодное – 1920-1930-е годы.

Мама долго болела, отец возил её по врачам и в последний раз привёз из Москвы. Там у отца были два младших брата – дядя Федя и дядя Шура. Моё единственное смутное воспоминание о маме: я зашёл утром к ней в спальню, она сидела на кровати, худая, бледная. Я подошёл к ней, взялся руками за её колени, а она мне: «Ой, какие холодные руки, вот выздоровею – возьму тебя на руки».

Моя мама (после болезни тифом)

Вечером легли спать. У нас была большая печь, поэтому мы, дети, все вчетвером спали на ней. Этой же ночью мы проснулись и слышим: плачет отец – умерла мама. Это было в 1933 году. Когда её хоронили, отец велел мне и брату сидеть на печке и не смотреть: может быть, так положено, так что я ничего не видел, кроме похоронной суеты.

* * *

Итак, нас четверо на одного отца. Старшей сестре девять лет, младшей – семь, мне – пять, а младшему брату – три года. Сёстры по возможности помогали отцу, но им надо было ходить в школу, делать уроки.

Отец всё умел делать: сам пёк хлеб, стирал, поил и доил корову. Работал столяром в государственной организации, подрабатывал и часто уходил на заработки в ближние деревни. Там были заказы, и он мог заработать на пропитание, в основном брал муку. Отец был хорошим столяром: делал полированную мебель, и заказывали только ему. Для этого он выбирал разные породы деревьев: яблоня, груша, клён, дуб.

Для нас у него времени оставалось мало, мы с братом больше находились под опекой сестёр. Но они уходили в школу, вот тут мы и «развлекались», как хотели, за что и бывали наказаны. И стоило: брали инструменты, выбегали во

двор босиком по снегу – кто дальше, нашли в шкафу сахарный песок и наелись, да ещё под песком оказались конфеты-«подушечки». Разболелись животы, катаемся по печке. Приходит отец – и давай нас лечить от глистов, а потом всё выяснилось. Наказывать он нас не стал. И много чего другого было – не перечсть.

* * *

Возвращаясь с базара, знакомые крестьяне часто останавливались у нас. Привязывали лошадь, и, заходя в дом, угощали нас. Садились с отцом за стол, ставили четвертинку и долго разговаривали. Особенно отец дружил с Савкой Титовым из деревни Будовищи. Так вот, сидят, разговаривают на белорусском языке и тут же переходят на еврейский. Городские, да и многие в деревнях в основном разговаривали на обоих этих языках, вместе росли, работали, и по большому счёту Мстиславль был еврейский город.

У Савки Титова было два сына: Шурка, чуть моложе меня, и Петька, лет трёх, и бабушка у них жила. В разговоре с моим отцом Савка просил отпустить меня погостить: его ребятам будет интересно. И однажды отец согласился.

Я обрадовался, набрал с собой всего что только можно для забав, в том числе и кусок латунной трубки для самопала. Все ушли в поле (работали в колхозе), а мы с Шуркой решили опробовать самопал. Стали заряжать. Шурка очи-

щает спичечные головки, собирает серу, а я набиваю ствол шомполом о подоконник, и где-то на четвёртом коробке – как ухнет! Разорвало трубку, обожгло мне руку и живот сбоку, кожа обуглилась, в доме полно дыму, ничего не видно. Мы перепугались, сбежались люди – думали, пожар. А мы с Шуркой, оглушённые, бегаем вокруг ступы во дворе. Потом опомнились – и в дом за Петькой, а он сидит на полатах (он там спал) и хнычет, испугался. Открыли окна, дым разошёлся, нас ругают – могла быть большая беда. Я понимал свою вину и хотел уже уходить домой, но подумал: «А что я скажу отцу?». И оставаться было мне очень неловко, стыдно. К моему удивлению, когда пришли с работы родители, они и словом не обмолвились. Наоборот, пригласили за стол, поставили нам с Шуркой глиняную чашку с мёдом, мы взяли деревянные ложки и стали уплетать мёд как ни в чём не бывало. Итак, ни одного слова, никакого наказания. И пробыл там я ещё несколько дней, пока не забрал меня отец. О случившемся он так и не узнал. Для меня это стало большим уроком тогда и на все годы.

* * *

После смерти мамы Савка часто бывал у нас, даже пытался отца сосватать к одной хорошей женщине из его деревни Будовищи, но та, видимо, не осмелилась пойти на четверых детей, а может, вера не позволила. Я её хорошо помню, она

у нас не раз бывала, мы к ней хорошо относились, и она с нами была ласкова. Звали её Марьяна. Деревня, где она жила, находилась в трёх километрах от города. Мы с отцом не раз там бывали. Деревня была вся в садах, пчелиные улья у многих, небольшая речушка, где рыбу корзинами и руками ловили, водились и раки. Там же стояла и водяная мельница.

Отцу трудно было успевать всё делать. Соседи это видели и советовали жениться. Но не каждая женщина наберётся смелости выйти замуж и согласится на четверых детей. Сватали многих: из деревни, из города.

Прошло три года. Однажды пришла соседка и посоветовала отцу взять в дом её домработницу. Она была молодая, лет на пятнадцать моложе отца, но согласилась.

И так в дом пришла мачеха. Она была из рода Еленских, зажиточных крестьян, и когда начинали раскулачивать, вся семья разъехалась. Вот ей деваться было некуда, как я понимаю, и на птичьих правах долго не проживёшь, так и согласилась на четверых детей. А дети-то были разные.

Старшая сестра хорошо помнила маму, да и характер у неё был твёрдый, непокорный, училась на одни пятёрки, много читала и больше была замкнута. Приход мачехи её не обрадовал. Младшая сестра была мягкая, добрая и более общительная. Училась средне, так как один год переболела ангиной и скарлатиной, пропустила целую четверть – так и не смогла толком нагнать. Мачеху она восприняла, можно сказать, нейтрально.

Старшая сестра даже не вышла к ней, младшая стояла где-то в стороне, а мы с братом оказались у мачехи на коленях, и она назвала нас сыновьями. Звали её Пелагея Фроловна Мощенкова. Мы её называли Оля, так она сказала её называть. Ей было тогда не более 22 лет, а отцу – 39. Она всё умела делать, и доить корову тоже, но корова была бодучая и подпускала только отца.

* * *

Мачеха к нам пришла летом, а зимой заболел дифтерией младший брат и через три дня умер. Накануне мы с ним «бесились», отец лежал на печке, болел и на нас ругался, чтобы не шумели. Легли спать. Утром все встали, а Изик не встаёт. Мы посмотрели на него, а он весь горит, лицо красное, синими пятнами покрылось, и еле разговаривает – горло болит. Мачеха пошла искать врача и не нашла, отец бы нашёл, – врач в городе был один. Так и упустили братика – дифтерия задушила. Сами старались лечить, прикладывали к горлу тёплую золу. Но это не спасло. Пошли слухи по городу, что мачеха его задушила, хотя это не так, это меня можно было, непокорного. Он был красивым мальчиком: глаза голубые, волосы выющиеся, светлые, заразительно смеялся, показывая ровные, белые зубки. Похоронили Изика. И снова я сидел на печке и ничего толком не видел.

После смерти брата соседи стали хуже (из-за мачехи) от-

носиться к нам. Когда умерла мама, соседи старались поддержать отца, хотя бы морально, а мамины два брата – один жил на Кавказе, а другой в Крыму, – даже присылали посылки с фруктами, фасолью и другим. С приходом мачехи всё это прекратилось.

Судя по тому, что в доме находились рояль и скрипка, мама была, видимо, из музыкального рода, девичья фамилия ее была Берлин. Рояль, скрипку и другое имущество, которое находилось у нас, мамин брат увёз в Америку, где стал известным композитором (я так полагаю, что это был Ирвинг Берлин).

1936 г. Без брата

Шло время, у мачехи в 1937 году родилась девочка, называли Раей.

1937 г. С мамой

О доме родном

Наш дом располагался на небольшом участке земли и строился с расчётом на большую семью. Одна стена глухая, остальные стены имели ряд окон. В конце участка был построен сарай для содержания коровы и другой живности, участок был огорожен забором. Также были установлены большие ворота. К ним была пристроена калитка, через которую был вход во двор.

Вход в дом был со двора, а в дальнейшем отец пристроил террасу к глухой стене, был вход и с улицы. Внутри дома был большой зал, из него – вход в спальню. В зале одной стороной стояла высокая печь, облицованная белым кафелем. Под потолком висела керосиновая люстра – и снизу большая тарелка, плафон. Люстру зажигали только по праздникам, и тогда от неё распространялся равномерный свет и тепло. В дальнейшем появилось электричество, и мы с удивлением смотрели на тусклый свет лампочки.

Потом появилось радио. На стене висел чёрный репродуктор, и из него раздавались хриплые звуки: малопонятная информация и разные песни и музыка. Помню, как из репродуктора пели:

*Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;*

*Загудели, заиграли провода, –
Мы такого не видали никогда...*

Эта песня отражает электрификацию страны.

Отец особенно любил хор Пятницкого и Захарова. Мы слушали пение Ковалёвой, Сметанкиной, позже – Руслановой. Отец бросал работу, становился на табуретку и, прильнув к репродуктору, слушал их с большим удовольствием.

* * *

Из зала можно было пройти в столовую, где на столе всегда был самовар. В зале на полу стояли высокий фикус и олеандр, на подоконниках – цветы разные, а между ними стояла настойка из черники. Здесь же находилась и большая русская печь, а зимой стоял верстак, за которым отец работал. Под верстаком было много стружки. Сосновый смолистый запах распространялся по всему дому.

Я любил что-то мастерить. Всегда садился прямо в стружку и начинал делать: деревянные коньки, пистолетики, маленькие саночки. Настолько мне нравились лошади, запряжённые в сани, что старался до мельчайших деталей сделать саночки точно как большие, и даже оглобли закреплял. А лошадь рисовал запряжённую в сани так же, как настоящую. Во время моей работы отец иногда заглядывал под верстак, не сплю ли я там. А я был увлечён работой. Работы с саноч-

ками было достаточно много, и на это уходил целый день, а может и больше. Но когда всё получилось, я так радовался, показывал всем саночки.

Сделать мне их захотелось не случайно. Мы жили на улице, по которой, особенно в базарный день, сплошным потоком ехали крестьяне на базар – на лошадях, запряжённых в сани, но и верхом тоже. В санях копошилась всякая живность. Я очень любил наблюдать за всем этим. На улицу выходить меня ещё не пускали, так я залезал на табуретку и из окна смотрел, как едут на базар. А когда мне было разрешено выходить на улицу, обязательно проходил по следам от саней и копыт лошадей. Зимой у нас во дворе всегда было много снега. Я брал санки и начинал ходить по кругу от дома до сарая, копируя те следы, которые я видел по улице. По центру натаптывал след – как будто от копыт. И по нему можно было ходить к сараю. Это неизгладимо из моей памяти.

Немного сказано о нашем доме, в памяти моей он сохранился до сих пор, и вспоминаю я о нём с душевной теплотой. Там прошло моё детство, и всё было естественно, как и во многих других домах.

* * *

А дальше, из столовой, можно было пройти на кухню, откуда и топилась печь. Жил у нас чёрный кот, и он всегда спал в печурке, в углублении для просушки рукавиц. Питался кот

только охотой: мышами, крысами, птицами – и прожил восемь лет.

Рядом с кухней была небольшая тёмная комната, где стоял топчан. Иногда я там спал – мог со двора незаметно пройти, когда поздно возвращался с речки, гуляния. А летом спал на сене, в сарае. Крыша сарая покрыта была соломой, что хорошо сохраняло тепло. Рядом неслись куры, на рассвете начинали перекличку петухи. Стоит только одному петуху запеть где-то, то сразу вся улица закукарекает, даже молодые петушки незрелыми голосами следом начинают кукарекать, куры начинали кудахтать, а я продолжал спать.

С улицы под окнами красовался куст калины со своими гроздьями. Весной мы всегда ходили в лес за саженцами деревьев для посадки у дома, и так образовалась небольшая аллея из берёзок, дубков и ивы. Я их поливал из лужи. Рядом с нашим домом была большая лужа, в ней мы с отцом мыли поросят, так же, как и соседи.

Школьные годы

С восьми лет я пошёл в школу. Там же училась и моя младшая сестра Фаня. Это была семилетка, в основном там учились детдомовцы.

Отец купил мне костюмчик, сандалии и сам привёл в школу, посадил за первую парту, так как я был маленький ростом. Первая учительница, помню только её фамилию – Белова, была строгая. Хотя я и не был тихоней, но здесь сидел тихо и слушал внимательно. Перемена – одна, другая, а я всё сижу за партой, пока не кончились все уроки.

Но скоро моей усидчивости пришёл конец, и я стал приходить в школу с отцом. У меня была хорошая успеваемость, по всем предметам «отлично», поэтому в конце года дисциплину тоже ставили «отлично», да ещё и грамоту давали. Помню, как получал первую грамоту. Я играл на улице, слышу, как через открытое окно кричат: «Михлин, иди грамоту получать!». Я через открытое окно спрыгнул на пол, а мне говорят: «Что же ты через окно – дверь открыта». Вручили мне грамоту и книжку небольшую Бориса Полевого – «Золото».

В этой школе я закончил два класса, потом меня перевели в десятилетку. Там же училась и моя старшая сестра Маня. Школа располагалась напротив соборного комплекса. Из окна виднелись купола и каменная стена. Учёба мне дава-

лась относительно легко. Учительница, Глафира Ивановна, была спокойная, посадила меня на переднюю парту с Зямой Капланским. Он очень красиво писал, каллиграфически, и мне тоже так хотелось, но не дано было. Ему немного трудней давалась математика, он больше интересовался историей. Класе в четвёртом или пятом часто мы собирались по два-три человека, чтобы решить трудную домашнюю задачу, в доме Капланских. У Зямы было ещё несколько братьев, и все играли на разных инструментах, а отец – на скрипке. Так мы вместо уроков слушали музыку. Капланских приглашали играть на свадьбах и других праздниках.

Перемены в школе проходили в играх. В летнее время в основном играли в лапту и другие игры, а зимой катались на лыжах, коньках и санках. В школе была художественная самодеятельность, к каждому празднику готовили выступления. Особенно мне запомнился танец «Тройка», где две девочки по краям и мальчик в центре, изображали лошадок под дугой с колокольчиками и бубенцами. Управлял «тройкой» обязательно мальчик, и мне тоже так хотелось это попробовать, но не пришлось. Когда «Тройка» пробегала мимо, мы напевали хором:

*Тройка мчится,
Тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт,
Колокольчик однозвучный
Утомительно звенит...*

Поуправлять «тройкой» мне не удалось, зато можно было выступить с песней. Вот как мы с Зямой Капланским пели:

*Бей, винтовка, метко, ловко,
Без пощады – по врагу!
Я тебе, моя винтовка,
Острой саблей помогу!*

Уроки географии часто проходили в походах по окрестностям города. Атам было что посмотреть: склоны оврагов в зелени, над ними возвышается костёл, чья мозаика сияла всеми цветами радуги под золотыми куполами. Среди лугов и полей, усеянных цветами, вьётся река Вихра. Возвращались мы с букетами полевых цветов, а девчонки ещё и венки плели.

* * *

Мы были дружны, хотя и приходилось выяснять отношения, устанавливать справедливость. Домашние задания я выполнял в основном письменные. Остальное время было занято голубями, кроликами и просто играми. У меня было много друзей. С одним из них, Женькой Витковским, я учился в одном классе. Он был старше на год, на голову выше и значительно сильнее. В классе он сидел у печки, а я на вто-

рой парте в среднем ряду. Шёл урок арифметики, учительница, худощавая, в очках, лет сорока, объясняла умножение и деление простых дробей. В классе было тихо, и в какой-то момент слышу жужжание, обернулся и вижу: Женька поймал муху, оторвал одно крыло и положил её на спину. Муха пытается взлететь, а Женька сидит с невозмутимым видом. Я не выдержал и захохотал на весь класс. Учительница с возмущением: «Михлин – к доске!».

Дала мне пример, я его решил без затруднения, и учительница тихим голосом одобрительно сказала: «Садись на место», – довольная своим трудом.

Маёвка

Первое Мая и октябрьские праздники проходили во всём городе. На 1 Мая каждый год устраивались маёвки, выбирали скрытые места так же, как это делали революционеры.

На маёвку выходить были обязаны. Вот и наш класс вышел на это революционное мероприятие. Место было выбрано в четырёх километрах от города, в районе деревни Ослянка, на поляне, в небольшом перелеске. День был пасмурный и холодный. На мне была рубашка, короткие штанишки и сандалии. Взрослые и дети ходили туда-сюда, и было шумно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.